

Об академическом издании сочинений Ахматовой

Из обозрения существующих в актуальном научном обороте изданий Ахматовой недвусмысленно вытекает необходимость итогового дефинитивного издания, которое закрепило бы явление достигнутой на 2022 год критической массы присутствия Ахматовой (как и Мандельштама) в читательском сознании сегодняшнего и, видимо, завтрашнего дня. За год работы ахматовского семинара т.е. рабочей группы по подготовке академического собрания Ахматовой при Пушкинском доме наметились некоторые требования и пожелания к будущему изданию. Все нижеизлагаемое в высшей степени применимо и к будущему академическому изданию Мандельштама, в необходимости которого тоже остается все меньше сомнений.

Хорошо известны высказывания проницательных наблюдателей литературного процесса о том, что полное академическое собрание сочинений поэта - это форма щадящего умерщвления трепета его поэзии, издательской эвтаназии, но представляется, что Ахматовой и Мандельштаму сейчас это уже не грозит, и наоборот пришло время собирать камни и нанизывать четки.

Структуру мнящегося издания предпочтительней излагать, «по-ахматовски»: ретроактивно, с конца к началу.

В самом конце будут, как водится, указатели – во-первых, общеобязательный алфавитный перечень произведений со всеми авторскими и публикаторскими вариантами заглавий, за ним – аннотированный именной указатель, в нашем случае чрезвычайно немалый с учетом включения записных книжек, телефонных реестров, многостраничной ахматовской автобиблиографии (она хранится в ее фонде в РО РНБ, и входит в подборку автобиографической прозы). Именник еще разрастется благодаря максималистским установкам комментария, о чем ниже. И там же - чего обычно, кажется, не делается – хронограф всех событий и происшествий, затронутых прямо или косвенно в текстах и комментариях с ссылкой к соответствующим страницам. В основу такого ежедневника должна лечь классическая уже летопись жизни и творчества В.А.Черных, обильно дополненная материалами в духе проекта ВШЭ о Борисе Пастернаке, руководимом К.М.Поливановым.¹ Само собой, хронограф содержит решительно все фиксации имени Ахматовой в печати и в домашних документах, на ее родине и за рубежами, но и еще шире – также все случаи не-упоминания имени, замалчивания его в ожидаемых контекстах. И.В. Сталин учил своих подданных, что умолчание есть форма критики, но в случае Ахматовой мы найдем подобные примеры не только в 1929-1965 гг., но и в 1910-х-начале 20-х гг. (по другим, естественно, причинам).

¹ См.: <https://hum.hse.ru/news/539811464.html>; <https://hum.hse.ru/proj/news/472673427.html>

Останавливаюсь на этом, чтобы напомнить, что даже при тотальной оцифрованности всех библиотек мира и архивов этот поиск не осуществят электронные приборы, он требует живых квалифицированных филологов. Не углубляясь в демонстрацию многообразия и многочисленности позиций в подобном списке всех случаев оседания имени в семиосфере,² должно признать, что таким образом в книжной форме предлагаемого издания набор указателей может занять целый том.

Если продолжать двигаться с конца, стоит обсудить возможность отдельного, дополнительного тома – по образцу пусть не академического, но вполне научного по подходу полного, с приложениями, 11-томного собрания Пастернака с его 11-м томом (мемуары о Пастернаке) – «Разговоры Ахматовой» по отобранным дневниковым записям П.Лукницкого, Л.Чуковской, С.Спасского, А.Наймана, Ю.Оксмана, Вяч.Всева, И.Иванова, Г.Глэкина, А.Любимовой, и некоторых спорадических посетителей, как и по избранным выдержкам из мемуаров, помня, правда, об упреждающем замечании Марии Петровых по поводу мемуаров М.Алигер: Анна Андреевна никогда не говорила монологами.

Далее, при том же обратном отсчете – том «Рукой Ахматовой» (в смысле титула пушкинского тома 1935 года, спутника юбилейного академического собрания, в котором, кстати, Ахматова принимала участие как переводчица) – немалочисленные выявленные инскрипты, а также административные, хозяйственные, медицинские бумаги – заявления, анкеты, библиотечные требования, списки лекарств и прочее с подробным комментарием, компенсирующим автокоммуникативную энигматичность записей.

Далее – уже более обычные т.н. менее и более творческие материалы.

Том «Письма и телеграммы» с приложением интенсивно комментированного списка неразысканных документов. Комментарий к письмам и телеграммам предполагается значительно расширенным по сравнению с текущими издательскими нормативами.³

Том «Пушкиноведение» с комментарием, учитывающим развитие этой науки за шесть десятилетий после ухода Ахматовой и широкий пушкиноведческий контекст ее находок и гипотез.

Том (или два) «Переводы» – с большим разделом *dubia*, ибо как общеизвестно теперь, доля творческого участия Ахматовой в них порой исчезающе мала.

Том прозы – автобиографической и мемуарной, включая ряд интервью.

Том «Театр и кино: «Пролог» («Энума Элиш», «Сон во сне») с весьма обширным комментарием, необходимость которого продемонстрировали публикации П.Е. Поберезкиной. Наброски киносценария.

² См. подробнее: Тименчик Р. О летописи поэтовой: Например, Ахматова//Slavica Revalensia. Vol. VIII. Таллинн, 2021.С.178-237

³ См. например: «Ваша осинка трепещет под моим окном...». Переписка А. А. Ахматовой и М. С. Петровых (вступительная статья, подготовка текстов М. С. Петровых и комментарии О. Е. Рубинчик; подготовка текстов А. А. Ахматовой А. и. Головкиной и О. Е. Рубинчик)// Русская литература. 2022.№1.С.85-118.

Том поэм – «Поэма без героя», «Путем всея земли». Фрагменты «Русского Трианона». Поэма «У самого моря», как показал доклад на семинаре Г.В. Петровой, возвращается в состав сборника «Белой стаи». Местоположение «Реквиема» - в поэмах или в томах стихов будет решаться в рабочем порядке.

Наконец, мы подошли к началу: тома стихотворений (2 или 3). Каков состав текстов и особенности текстологии? Состав всего собрания - это все, написанное рукой Ахматовой (м.б. с оговоркой, высказанной выше – также со словом Ахматовой, записанном лучше или хуже чужими руками).

В 2020 году Анатолий Найман нашел у себя вместе с 14–ю страницами переводов Леопарди рукой Ахматовой, вырванных из записной тетради “Лермонтов”, отданных ему для перепечатки на машинке и, как написал мне Найман, «назад естественно не востребованных», в их числе было несколько страниц, использованных под дневниковые записи, как в других записных книжках. Как писал далее Найман, «и по значимости такие же. Для меня никакого интереса не представляют, но аукционершу Хрусталеву заинтересовавшие».

С этого момента можно было думать, что пора перестать пещься о полноте будущего собрания. Если досье МГБ на Ахматову было уничтожено в 1991 году, и ген. О.Калугиным были сделаны только те выписки, которые он обнаружил, то больше дожидаться неизвестных нам ахматовских текстов нет смысла. Среди desiderata там числится несколько стихотворений 30-х-начала 40-х. Одно, со слов Николая Давиденкова, пересказывала Нина Берберова в 1946 году: « ... в годовщину смерти Гумилева каждый год совершает паломничество по набережным Ленинграда к дому, в котором жила тридцать лет тому назад. Окна дома выходят на трамвайное депо, которое до сих пор сохранилось, как сохранился и сам дом. Многоцветные фонари посылают ей знаки в наступающей ночи» (*упоминание разноцветных трамвайных огней, возможно, отсылало к заглавному герою «Заблудившегося трамвая»*). Возможно это то же стихотворение, что слышала Л.К. Чуковская в 1940 году, но, может и другое, «маленькое, неоконченное» стихотворение «Если бы я была живописцем», «похожее на “Александрийские песни” Кузмина». «— Я из этого, может быть, что-нибудь сделаю, — сказала Анна Андреевна задумчиво. — Тут пока что только низкие берега точны, а остальное еще случайно». (*Низкие берега могут быть берегами «на низком острове, который, словно плот, остановился в пышной невской дельте», когда Ахматова жила на Тучковом переулке*). Среди desiderata числится и четверостишие со строкой «Смирив души неукротимый ропот», которое Ахматова читала Пастернаку в 1940 году, а потом, в 1960-е, не могла вспомнить, что там дальше. И четверостишие 1946 года «Дострадать до огня над могилой», и какое-то 30-х годов «Беломорский канал» (как видно из титула, может быть, реакция на «канальские» стишки ее коллег, реакция, естественно, негативная и, естественно, не подлежащая хранению), а также сказанное П. Лукницкому написанное в альбом Н.В. Рыковой в 1921 г. «о реке, которую перейти можно - кончается: "не

замочишь панталон"» (тут гадания безответственны и неостановимы, и, возможно, в 1921 году речь идет о мелководном Ахероне или Флегетоне, о легко доступной дороге в смерть, как в стихотворении, написанном ею три года спустя, «Как просто можно жизнь покинуть эту»⁴). Кстати, одно стихотворение, числившееся в нетях, известное тогда только по первой строчке из списка Н. Дилакторской «Из каких ты вернулся...», решил дописать и выдать за ахматовское покойный ахматовед, но здесь не место останавливаться на истории фальшаков, наводнивших аукционный рынок нашего столетия;⁵ в имеющей выйти работе историка-источниковеда описывается этот противноватый феномен, «базарный феномен», как говаривал Кузмин покойный.

Готовясь к выступлению на конференции «Страх и Муза», и перечислив некоторые строки-осколки из списка «wanted», я уже написал фразу о том, что ждать появления новых текстов, видимо, неоткуда, когда невод социальных сетей, наряду с одной тиной, принес и строки на автографе из собрания Андрея Рыбакова, непечатного поэта, заключенного, знакомого Ахматовой:

Куклой, бездельницей, даже срамницей
Как ты еще называл?
Где эти комнаты, где эти лица,
Где тот собачий подвал?
Где же ты пестрый извозчик Питер?

А. Г. Найман посвятил газетное эссе тому стихотворению, к которому вызывает этот набросок - к стихотворению «Все мы бражники здесь, блудницы...», и за день до злополучной конференции я переслал ему эти пять строчек *non-finito*, он ответил мне тут же электронной запиской: «Про собачий подвал свежесть (это наскоро-наскоро)» и второй, вдогонку «Завтра чтнбд проямлю, сейчас не думается».

Я замечу тоже «наскоро-наскоро» – в память о несостоявшемся разговоре - об этом брьюлоне, поистине освежающем восприятие поздней, закатной Ахматовой. Это сквозной для ее поэзии мотив: катобасис,⁶ «заземление», как она говорила о попытках дезаристократизировать «Поэму без героя» – спуск в подвал «Бродячей собаки», переходящий в спуск в социальный низ, как на «Горячее поле», заселенное голытьбой, ночующей в навозе, воспетое Хлебниковым,⁷ и одновременно в другой низ, в глубины петербургского мифа, ибо Мандельштам говорил, что «петербургский извозчик всегда был мифом». Этим пяти строчкам, этим 20-ти уложенным в дактиль лексемам, следовало бы посвятить пространную статью.

⁴ Тименчик Р. Последний поэт: Анна Ахматова в 60-е годы. Изд. второе, исправленное и расширенное. Т.2. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим. 2014. С.296-297.

⁵ Тименчик Р. О чести, простите, мундира//Новое литературное обозрение. 2015. № 135. С.388-391.

⁶ Тименчик Р. Последний поэт: Анна Ахматова в 60-е годы. Изд. второе, исправленное и расширенное. Т.1. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим. 2014. С.480-482.

⁷ Тименчик Р. Из Именного Указателя к Записным книжкам Анны Ахматовой (Велимир I)// Зборник Матице српске за славистику. №100. Нови Сад, 2021. С.17-38.

Отталкиваясь от этой неожиданности, трезвый скепсис насчет будущих прибавок к корпусу уравновесим безрассудной надеждой.

Что же касается текстологии, то ее основные проблемы – это прежде всего те, которым посвящена последняя в ее жизни запись самой Ахматовой о своей текстологии. Сентябрь 1965 г.: «Хренков просит отобрать стихи в сборник в Лениздате. Как мне не хочется с ними возиться, как хочется от них отдохнуть, даже забыть. Это значит опять думать — «нельзя» — «можно», «лучше это», «или то». Какие это опустошающие мысли, как вредно быть собственным критиком, цензором, палачом...».⁸ Эти *нельзя-можно* перечеркивают все рассуждения о последней авторской воле, все источенные лясы о большей или меньшей авторитетности любого подсоветского печатного источника, или о правке, якобы служащей полноте выражения замысла, - например, что эпитет “парка царского” о Царском селе было не так точен, как заменившее его “парка древнего”⁹ – на самом деле, как кажется, ровно наоборот, но после ждановских слов об осколках чуждой народу культуры, усадьбах екатерининских времен с обветшалыми гербами на воротах, о дворянском Царском Селе как реликвии дворянской культуры и «химере», подсовывать слово «царский» под нос любому редактору было бестактно.

Показательна история не вышедшей в итоге в 1940 году гихловской книги «Стихотворения в одном томе», за которую боролся начальник ГИХЛа П.И. Чагин. редакционный процесс тормозился присутствием В том случае ¹⁰ двух стихотворений: «Все расхищено, предано, продано» и «Не с теми я, кто бросил землю». Первое редакторами было заменено на не печавшееся дотоле абсолютно безобидное стихотворение «Подушка уже горяча с обеих сторон» (1909-10 гг., но здесь, чтоб не ломать хронологическую последовательность, с датой «1918»), а вместо «Не с теми я, кто бросил землю на поругание врагам...» (вот крамольная лексема) предполагалось втиснуть бесцветное стихотворение «Заре (с португальского)».

Позволю себе детализированное отступление: как все у Ахматовой, и словесная затычка «древний» не так проста, как сказал об Ахматовой Блок. В ахматовском идеостиле это слово прячет зловещие коннотации, как это проявлено в текстологической истории стихотворения о Киеве, которое первоначально звучало так:

Горный город словно вымер,

⁸ Записные книжки Анны Ахматовой (1958-1966)// Сост. и подгот. текста К.Н.Суворовой; вступ.ст. Э.Г.Герштейн; науч. консультирование, вводные заметки к записным книжкам, указатели В.А.Черных. М.-Torino. Giulio Einaudi editore.1996. С.669. См. материалы, выразительно иллюстрирующие эти издательские обстоятельства 1960-х годов: К истории первой научной публикации поэтического наследия А. А. Ахматовой. Письма В. М. Жирмунского Л. К. Чуковской 1966–1970 годов (вступительная статья, подготовка текста и комментарии В. В. Аствацатуровой)//Русская литература. 2022. №1. С.119-152.

⁹ Виленкин В. Стимул точности в творчестве Анны Ахматовой: Текстологические этюды // Вопросы литературы. 1983. № 6. С. 161.

¹⁰ См.: Тименчик Р. Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой// Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество: Крымский Ахматовский науч. сб. Вып. 5. – Симферополь, 2007. – С. 180-183.

Этот «страх» был потом, как водится у Ахматовой, смикширован, была поправлена одна буква («странен мой приезд»), а «горный» заменено на «древний» (древнее зверство и древнюю ярость в Кремле Ахматова вспоминает рядом с борисовым страхом в стихотворении «Стансы»). А в чем страх *горного* для Ахматовой, объяснено ею в заметке о впечатлениях от семихолмного Рима в 1964 г., когда она сравнила римские впечатления с киевскими лета 1914 года. Римские и киевские обрывы предстали ей как пейзаж после битвы Дьявола с Богом.¹² Поэтому, смикшировав прямые апокалиптические, армагеддонские индексы «горный» и «страшен», она правит вторую строфу, не только для того, чтобы выправить схему хорей 4-3, но и чтобы прямо назвать одного из антагонистов скрытого противоборства:

Липы шумные и вязы
По садам темны,
Звезд иглистые алмазы
Высоко вознесены.
Она заменяет последнюю строку:
Звезд иглистые алмазы
К Богу взнесены.

Как известно, строчка об алмазах звезд цитирует брюсовское стихотворение именно о лермонтовском Демоне, горном падшем ангеле.¹³

Я подробно остановился на этом примере, чтобы показать, что функциональный комментарий (о чем ниже) должен сопровождать и текстологическую справку.

Издательские препятствия возникали с поздними стихами, часто непроходимыми не только с точки зрения цензуры, автоцензуры, а, что не менее важно, через фильтр общесреднего советского вкуса и редакторских идиосинкразий, как у А.Т.Твардовского, не любившего агнонимов-варваризмов в русском стихе и потому отвергнувшего стихотворение со словом *lime-light*,¹⁴ для Ахматовой важного как отсылка к фильму позднего Чарли Чаплина,¹⁵ подобно которому она сама возвращалась в своих *senilia* к линии творчества, начатой в дни ее славы.

Другой проблемой является статус недописанных – под вопросом – стихотворений. Ахматова, как известно, считала пушкинские брошенные завязки повествовательной прозы необъявленными законченными сочинениями. Представляется, что фрагмент, отрывок, кроки, *inachevé* и т.п. мог бы быть полноправным жанровым компонентом ахматовской поэтической системы. Но, конечно, выдавать одинокие метризованные

¹¹ РГАЛИ.Ф. 13. Оп.1. Ед.хр.17.

¹² Тименчик Р. Рим Анны Ахматовой: *Horror Mortis* (1964) // *Toronto Slavic Quarterly*. 2007. № 21.

¹³ Тименчик Р. Чужое слово у Ахматовой // *Русская речь*. № 3. С. 33-36.

¹⁴ Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой. 1952-1962. Т.2.М.: Согласие. 1997. С.369.

¹⁵ См.: Тименчик Р. Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой // *Venok: In Honor of Stefano Garzonio*. Stanford, 2012. P. 343-352.

секвенции за моностихи было бы преждевременно. Здесь еще подстерегает комментаторский соблазн – чем микроскопичней массив поэтического текста с его всеильной динамикой тесноты стихового ряда, тем больше в него можно вчитать подтекстов, претекстов и интертекстов.

Наконец, о составе и принципах комментарии. Мои предложения, прошедшие горнило дискуссии на семинаре рабочей группы, изложены в печати¹⁶: информация должна быть строго функциональной, направленной на реконструкцию исторической рецепции комментируемого текста разными поколениями исторического читателя, эволюции *прижизненной* рецепции в диапазоне от предельного восхищения¹⁷ до решительного неприятия (А. Ф. Кони: «Все о своей матке (и указал на живот)»¹⁸).

Комментарий должен в компактном виде характеризовать исторический контекст первопубликации и републикаций, семантику правки, пресуппозиции и горизонты ожиданий реципиентов (заданные групповые установки, например, футуристов, пролеткультовцев, эмигрантов первой и второй волн и проч.).

Углубленный комментарий начинается с паратекстов – заглавий, эпиграфов, посвящений, дат. Приведу только один пример функционального комментария - эпиграф из Шота Руставели «Что отдал, то твое». О нем несколько раз писали тбилисские и ереванские литературоведы, справедливо констатируя, что сама эта максима - очень кавказская по духу. Но в комментарии непременно должно быть кратко указано, что в предшествующей этой строке в «Витязе в тигровой шкуре» сказано «Что спрятал, то пропало» (а Ахматова не раз берет в эпиграф строчку соседнюю с заветной, нужной), и что этот эпиграф она несколько раз примеряла к разным стихам, и все они именно из разряда запретных, тех, что должны были быть спрятаны (как Ахматова называла это – стихотворения «из другой книги»). И второе, что должен напомнить комментарий читателям XXI века, это, что Руставели – любимец верховного грузина; например, Петр Чагин хранил у себя верстку перевода «Вепхисткаосани» с пометами И.В.Сталина (сейчас хранится в Музее в Гори).

Акцент на функциональности всех пунктов комментария, обязанных отвечать не столько на вопросы «кто это, что это, где это», а на вопрос «что вдруг», «почему здесь», не отменяет возможности помещения справочного придатка по примеру мандельштамовского тома О.Лекманова-М.Амелина¹⁹ с глухим перечислением литературы о данном стихотворении. Может быть, перечисление даже и не номинальное, а с кратчайшей аннотацией новинок интерпретации, а может быть, и с предупреждением о кривотолкованиях, основанных на недоразумениях. Список должен быть репрезентативным, но,

¹⁶ Тименчик Р. О составе и границах научного комментария к поэзии А. А. Ахматовой//Русская литература. 2022. №1. С.60-84.

¹⁷ «"Над засохшей повиликой мягко плавают пчела", - выл Недоброво от восторга» (Лукницкий П.Н. Асуміана. Встречи с Анной Ахматовой. Т. II. 1926-1927. Париж-М., 1997 С.225).

¹⁸ Чуковский К. Собрание сочинений. Т. 12. Дневник. 1922-1935. М.: Терра-Книжный клуб. 2006. С.58.

¹⁹ Мандельштам О. Собрание стихотворений 1906–1937/ сост. О.А. Лекманов, М.А. Амелин. М.: Рутения, 2017

конечно, не исчерпывающим, ибо среди понаписанного об Ахматовой за последнее 30-летие наличествует известное количество некачественной продукции.

Объем комментария - м а к с и м а л ь н ы й, поскольку отпали все ограничения, преследовавшие предшествующих издателей Ахматовой, в том числе троглодитский лозунг советских редакторов – нельзя, чтоб массив примечаний был больше комментируемого текста. Поскольку любое сегодняшнее начинание имеет в виду не только бумажное, но и электронное воплощение, то отпадает ограничение на количество печатных знаков и оглядка на предел возможностей картонного переплета. Но приходится напоминать, что жанр комментария на сегодняшний день предполагает иные, более жесткие нормы доказательности и вообще доказуемости, чем научная статья, не говоря об эссе.

И коль скоро речь зашла о будущем читателе XXI века, мы должны учитывать его горизонт ожиданий. Как именно предупредительно готовиться к встрече с ним, надо решать в каждом конкретном случае. В моем личном опыте есть показательный пример: для европейских и американских студентов в 1990-е годы в ахматовском монологе 1911 года - «Высоко в небе облачко серело,/Как беличья расстеленная шкурка.../В пушистой муфте руки холодели» - главными раздражителями стали символизирующие авторскую душу образы освежеванной белки и муфты, изготовленной из умученных животных. Это было в эпоху, когда Бриджит Бардо объяснила подросткам, что «кто носит меха, таскает на плечах кладбище». Это те образы, на которых не нашлось «глубокодушных» (как сетовал В.К.Шилейко в стихотворении об Ахматовой) в десятые годы прошлого века среди «исторических читателей».

Комментарий, говоря словами поэта, «хватает на лету и закрепляет вдруг» жизнь стиха в вечном движении.

Роман Тименчик (Иерусалим)